

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

A young boy with a backpack is seen from behind, looking towards a puppet theater in a snowy forest at night. The theater has a large eye on its facade and a stage with puppets. The scene is illuminated by a soft light, possibly from the theater itself, creating a magical atmosphere. Snow is falling around the boy and the theater.

Илья Бессмертных

16+

Илья Леонидович Бессмертных

Кукольный Театр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56875641

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказ в жанре абсурда, повествующий о столкновении двух миров – мира среднего человека и мира высшего общества. Главный герой, Матвей, вынужден пешком идти до ближайшего поселения, из-за того, что во время дороги домой машина заглохла, у телефона разрядилась батарея. Случайно он натывается на одно из собраний элиты. Владелец дома соглашается дать главному герою позвонить и отходит, чтобы взять телефон. Тем временем, специфическая атмосфера этого места не обходит стороной и Матвея, вплетая во множество событий.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	38

ГЛАВА 1

Где-то в России пахло хвоей и зимой. Дорога, лежащая на земле жёстким серым ковром, пряталась от автомобиля за рядами высоких, могучих сосен в белом одеяле. Матвей смотрел то на проплывающие мимо деревья, то на дорогу, но он не обращал внимания ни на что из этого. Стрелка остатка бензина слишком стремительно двигалась влево, а мужчина, проработавший водителем больше пяти лет, знал, что это точно плохой знак. Его опасения подтвердились ровно через минуту: урчание двигателя прервалось кряхтением, и машина начала замедляться.

– Твою мать! – выругался Матвей. Хотя мужчина уже морально подготовил себя к такому исходу, он до конца надеялся на что-то другое. – ...Этого ещё не хватало, ну давай же, давай, – водитель, с таким же упорством, как псевдо-верующий, спорящий с атеистом, упорно пытался вновь завести автомобиль – в ответ лишь раздавался клёкот двигателя. Матвей топнул ногой, сначала с гневом, а затем с раскаянием посмотрев на значок на руле.

Мужчина надел шапку и открыл дверь. Приподняв рукав куртки, он взглянул на часы – они нервно тикали, говоря, что скоро начнёт темнеть. Крышка капота со скрипом откинулась, обнажив нутро автомобиля. Матвей принялся рассматривать металлический организм, проверяя провода, их

крепления и то, к чему они крепятся. Не обнаружив проблему, он, на всякий случай, потуже затянул все гайки и сел в машину. Мужчина понимал, что если проблемы нет где-то на поверхности, он точно не сможет разобраться с ней с помощью своего небольшого ящика с инструментами. Снова все попытки завести транспорт увенчались неудачей. Мужчина вышел и достал телефон, чтобы вызвать эвакуатор. Экран не отвечал на касания, а при долгом удерживании кнопки включения появлялось изображение с пустой батареей. Матвей открыл багажник, взглядом пытаясь найти пакет с продуктами, между упакованной тумбочкой, из мебельного магазина, и платьем, которое он вёз из Москвы для жены. Чтобы добраться до дома, необходимо было перепрыгнуть пропасть в шестьдесят километров дороги, поэтому вопрос о том, брать ли с собой еду или нет, даже не стоял. Мужчина, положив в рюкзак хлебный батон, платье, пару маковых булок и полторалитровую бутылку воды, пошёл по трассе, не забыв поставить аварийные треугольники у машины. Ждать помощи от кого-то было бессмысленно – он ехал по одной из самых малоизвестных трасс, чтобы не стоять в пробках.

Где-то рядом должна стоять небольшая деревушка – Матвей крепко держался за эту мысль, как за трость, и шёл вперёд, оставляя на нехоженном снегу обочины свои следы, пригибая дремлющую траву. С каждым шагом ему всё больше казалось, что воздух становится легче, а скрип снега напоминает мелодию, звучащую из детства.

– Как же давно я не гулял, – заметил мужчина и выдохнул пар, вытянув рот, ожидая, что из него выйдет колечко. Но получилось небольшое облачко и убежало к темнеющему, затянутому небу. Маленькие белые перья-снежинки прыгали с облаков и, кружась, летели к земле. Матвей поднял голову, недовольно поморщившись.

“Холодно,” – подумал он и укутал лицо шарфом, оставив лишь прорезь для глаз. Становилось ещё темнее и очертания деревьев становились всё заметнее: мало того, они начинали казаться мужчине немного зловещими, несмотря на то, что он давно решил для себя, что будет скептиком в таких вещах. Матвей, наклонившись, достал первую булочку с маком из рюкзака. Упаковка аппетитно шуршала в руке, а мужчина уже представлял, как на языке будет чувствоваться мак. Он аккуратно извлёк изделие из “чехла” замерзающими пальцами и вдохнул его аромат, причмокнув от предвкушения. Матвей закрыл глаза и сделал первый укус. Чувствовалось тесто и холод снежинок, прилепившихся к нему. Мужчина отстранился от булки и нахмурился, мгновенно разлепив веки:

– Да как так можно? Вот собаки, – внутри булки мак был аккуратно размазан по стеночкам, лишь для сохранения видимости того, что он там есть. И хоть такие изделия водитель покупал всегда, именно эта, как ему казалась, должна была быть до краёв наполнена маком.

Он скорбно запил обманчивую выпечкой водой и осуждающе взглянул на тучи, из которых нещадно летели кусочки зимней сказки, попадающие Матвею в глаза. Мужчина шёл дальше, выискивая глазами огни деревни или города.

Только луна, иногда выглядывающая через прорехи в небе, немного освещала ему дорогу. Матвей шёл с абсолютной уверенностью в том, что в лесу не было ничего страшного, но, тем не менее, страх был. Иррациональный страх горожанина, не привыкшего к лесу, пытающегося подчинить его своей душе, как всё городское. Но, в отличие от созданного человеком, у леса была душа: неподвластная людям, свободная и печальная. Мужчина шёл по самому центру дороги, по разметке.

– Интересно, как там Катя? – водитель достал телефон, всё так же злорадственно мерцающий значком разрядившейся батареи. Мужчина вздохнул и убрал в карман бестолковый кусок металла.

– Она, наверное, очень рассердится, – подытожил он.

Сквозь высокие и толстые деревья впереди пробивались далёкие частички света. Матвей протёр глаза, но свет не исчез. Мужчина ускорил шаг, почти перейдя на бег, с радостью от находки двигаясь в сторону огоньков. И чем ближе он подходил, тем всё казалось привычнее и безопаснее, а из тени выплывали очертания широкого двухэтажного здания, с огромными стеклянными окнами. От края дороги до циви-

лизации оставалось, по предположениям мужчины, метров пятьдесят через лес – он побежал, прикрыв лицо сгибом локтя, но тут же споткнулся о корень и лбом сшиб ветку. Матвей почувствовал жгучую боль в брови, но не придал этому значения. Он поднялся и побежал дальше, чуть ниже надвинув шапку.

У широких дверей с гравировкой, как перевёрнутые сосульки, лишь изредка шевеля взглядом, стояли двое мужчин в серых, как будто надутых куртках. Один из них прислонил голову к чёрному металлу двери и выдохнул большое облако пара, сунув руку в карман. Мужчина, судорожно пошевелив пальцами внутри, цокнул языком и с мольбой посмотрел на коллегу. Тот поймал взгляд и повернулся, усмехнувшись:

– Ну ты и чайка! Опять всё скурил? – после небольшой паузы второй достал из кармана свою пачку и протянул просившему. – Только одну, потом верни, – первый кивнул и принял коробок, потянувшись и открыв стоящему в тени Матвею вид на пистолет в кобуре.

– Мне высунуться быстро и что-то сказать? Но тогда что сказать? Может пошуршать ветками, чтобы они не пугались, когда я выйду? Или просто медленно пройти через кусты, поднимая руки? – мужчина думал о том, как бы его не подстрелили. Вид у стражей ворот был хоть и человеческий, но грозный.

Ветка, слегка отодвинутая Матвей для лучшего обзора,

громко хрустнула и упала на землю. Мужчина, стоявший, прислонившись к двери, и с блаженством докуривающий подаренную сигарету, вздрогнул и выпустил её изо рта. Одной рукой он пытался в воздухе поймать летящую к земле никотиновую палочку, а второй схватился за кобуру. Кулак охранника сжался, а в глазах сверкнуло довольство, длившееся ровно до того момента, пока тлеющие останки сигареты не начали прожигать ладонь. Мужчина разжал руку и поднёс её к лицу, разведя брови и прикусив губу.

– Вторую не дам, – заверил его коллега, почти не шелохнувшись и посмотрев на напарника – Ты чё за пушку схватился? Я всё равно тебе больше не дам. Ишь ты.

– Там в кустах что-то щёлкнуло, – пояснил первый и осветил фонариком в темноту.

Матвей прислонился к стволу дерева, стараясь дышать как можно тише, иногда поглядывая на охранников.

– Да ладно тебе, белка какая-нибудь, или птица жирная, – второй снова отвернулся, – давно уже привыкнуть должен был.

– Да, наверное, – первый вздохнул, выпустив печальное облако пара, и ещё раз посмотрел на слабо тлеющий, покоящийся на земле бычок. Мужчина снова упёрся затылком в дверь, закрыв глаза.

– Извините! – донеслось из кустов. Теперь уже двое мужчин схватились за пистолеты. – Можете дать позвонить? У меня машина сломалась. – Матвей вышел из тени с подня-

тыми руками.

– Ты кто такой? – спросил первый.

– Матвей. Мне просто нужно позвонить, пожалуйста, может кто дать телефон?

– Иди своей дорогой. У меня денег нет, – ответил второй с ноткой раздражения.

– И у меня, – подхватил коллега, – так что, мужик, придётся тебе отчаливать отсюда, видишь что за место? Тебе тут делать нечего.

– Ну как же вы с гостем? – распахнул двери молодой человек, с длинными угольными волосами, в белом костюме и чёрной рубашке, – Пропустите. – Матвей, получая невидимые пинки от мужчин, оставшихся позади, вошёл.

– Хадим, позаботьтесь о куртке и рюкзаке господина, повесьте их в гардероб и почистите, —лакей кивнул и помог вошедшему раздеться.

– Спасибо большое, – Матвей стянул шапку с красным пятном, поблагодарил лакея, а затем обвёл взглядом мраморные лестницы, стены из драгоценных камней и канделябры; ему стало очень неуютно – но мне не надо сюда, мне бы просто позвонить, машина сломалась, телефон разрядился...

Человек в белом костюме прервал его жестом.

– Боже, да у вас же бровь рассечена, вам бы немного подождать. Пойдёмте, я отведу вас в кабинет, – взглянув на своё отражение в большом зеркале с золотой рамкой, мужчи-

на послушался. Глубина раны, по его расчётам, была совсем небольшая: такое повреждение отлично подходило под определение: “А, само пройдёт!”. Но Матвей не решился высказать свою мысль и последовал за юношей, параллельно рассматривая столы с изысканными блюдами и дорогим алкоголем. Где-то вдалеке, еле слышимо играло пианино, настолько здание было большим. Множество гостей, проплывающих мимо, точно соответствовали внутреннему убранству помещения: на всех были дорогие костюмы, у некоторых, из карманов на груди, элегантно выглядывали платки, а девушки грациозно ходили в идеально сидящих на них платьях. Все смотрели на нового посетителя как на диковинку. Человек с чёрными волосами открыл дверь, за которой, в большом, широком кресле сидела женщина во врачебной форме; на столе стояла бутылка вина.

– Дорогая, можете пожалуйста помочь нашему новому гостю? – “дорогая” кивнула и поднялась со стула, подойдя к нему без стеснения шагнувшему вперёд Матвею. Женщина пальцами приподняла голову пострадавшего и убрала волосы с раны, чтобы свет от лампы на потолке полностью её освещал.

– Сейчас, – сказала врач, обратившись к Матвею, открыв ящик. Спустя пару секунд она вынырнула из него с перекисью и пластырем.

Пострадавший с детства помнил, как каждый раз боялся идти домой, получив ранение. Боялся именно из-за этой человеконенавистнической субстанции в маленькой бутылоч-

ке, лежащей в умелых руках женщины. Прошло много лет с тех пор, когда перекись касалась ран Матвея, сейчас он думал, что точно готов мужественно вытерпеть то, что ему предстоит перенести. “Это всё детская ерунда!” – думал он. Женщина раздвинула края раны, наклонив бутылку над ними. Мужчина, до этого момента переполненный уверенностью, на секунду вернулся в детство и чуть не спросил врача будет ли щипать. Он подавил в себе желание спросить этот мучающий его вопрос и зажмурился. Жидкость коснулась повреждения, но Матвей ничего не почувствовал – он даже открыл глаза и улыбнулся. Так было в первую секунду, но затем зловещее средство начало шипеть и пениться. Мужчина втянул воздух и сжал зубы. Перекись, которая не попала в рану, стекала по лицу и, хоть и не щипала, но усиливала эффект. Так казалось Матвею.

Врач сжала края и наклеила на них два пластыря, боль от перекиси утихала.

– Вот и всё, а ты боялся, – женщина улыбнулась и снова села за стол, как будто ничего не произошло. “Фантастика! – думал мужчина. – Вот это выдержка.”

– Спасибо большое, – сказал он и вышел вслед за юношей.

ГЛАВА 2

– Простите, но мне правда очень пора, извините, можете мне, пожалуйста, дать позвонить? – Матвей старался говорить как можно вежливее и заламывал пальцы, слегка сжав широкие плечи. Он не хотел казаться слишком большим или грубым, или привлекать слишком много внимания.

– Конечно, мне только нужно отыскать телефон, но не волнуйтесь, это займёт не более двадцати минут, – улыбнулся человек в белом костюме и чёрной рубашке, – я пока вас представлю гостям, может захотите с кем-то пообщаться.

– Я могу где-то посидеть, я ж ненадолго. Чего вам попусту силы тратить?

Юноша улыбнулся, взял бокал с подноса официанта, теревшегося рядом, и ложку со стола. Раздалось три звонких звука.

– У нас сегодня необычный гость, прошу отнестись к нему с уважением и не расспрашивать слишком много, несмотря на то, что он здесь только на несколько минут, – теперь точно взгляды людей были гвоздём прибиты к Матвею, всё больше чувствуящему себя крайне неуклюже.

– Я скоро вернусь, – сказал человек в костюме и удалился лёгкой, пританцовывающей походкой.

“Ну и ну! Как же он держится! – думал мужчина. – Такой молодой, а уже такой важный. Все так смотрят... столько

благородства в их лицах, сколько я бы за всю жизнь не увидел! Наверняка они разбираются в куче умных вещей”.

– Добрый вечер, Валерий Яхонтов, – Матвей пожал протянутую руку, – это моя сестра – Эстер. – произнес подошедший человек в смокинге. Девушка в ярко-красном платье, улыбающаяся новому гостю своей белой, как снег, улыбкой, кивнула.

– Господин Вендиторский попросил нас, в случае чего, огородить вас от неловких ситуаций, и занять, пока он ищет телефон.

– Это очень любезно, спасибо, – поблагодарил мужчина, поправив серый свитер.

– Да не за что, нам давно хотелось поговорить с кем-то из народа, правда? – девушка кивнула и продолжила разглядывать гостя.

– Итак, что вы думаете о современной политической ситуации?

– А что с ней? – после недолгого молчания ответил Матвей.

– Ох, а вы не знаете? Хотя бы часть должны же по телевизору показывать.

– Наверное, я каждый раз пропускаю, – неловко улыбнулся мужчина и посмотрел на спутницу подошедшего господина. Теперь точно невозможно было оторвать взгляд: её глаза цвета инея смотрели в его, будто наслаждаясь вниманием. Девушка опустила взгляд, а Матвей последовал за ним. На

тонкой, изящной шее лежала серебряная цепочка с рубинами, которая подчёркивала рыжие пышные волосы, вьющиеся чуть ниже плеч, и глубокий вырез на груди. Одна её рука была продета в локоть мужчины рядом, а пальцами второй, девушка игралась с небольшой складкой на бедре. Платье заканчивалось точно посередине расстояния между коленом и бедром, и, хоть не открывало полную картину, вызывало желание её увидеть. Девушка, довольно заметив, что гость успел разглядеть всё то, что она хотела показать, высвободила руку из-под локтя говорившего мужчины и произнесла:

– Простите, меня зовут подруги, я скоро вернусь, – её спутник кивнул. “Ну и хороша! Слов нет, – думал Матвей, любуясь уходящей девушкой, в каждом шаге которой было особое изящество, – Боже, о чём я только думаю”. Мужчина вспомнил о жене: она не была похожа на девушку с обложки, не умела двигаться так же легко и красиво, но её взгляд был самым тёплым и ласковым на свете. Матвей любил лежать у Кати на коленях, в то время, как её немного шершавые руки гладили его волосы, а нежный голос напевал неизвестные, но чувственные мелодии. Мужчине стало очень противно от себя и от того, как он тогда смотрел на девушку. Он прикусил язык и нахмурился. “Но я же не хотел её заполучить, – Матвей пытался усыпить лающую из сердца совесть – Она красива, как никто другой, но она больше похожа на картину, чем на человека. Да, она красива как картина!” – мужчина, сумевший победить наивный внутренний голос, радовался. –

“Я же могу просто посмотреть на картину и полюбоваться искусством. Наверное, такая красота тоже искусство. Да и ей до меня нет дела: я ведь даже не смогу её обеспечить...”

Матвей огляделся вокруг: “Господи! Да они все здесь – искусство. Я как будто в музей зашёл бесплатно.” – мужчина наслаждался тем, как эти люди выглядят и как держатся. Он, немного покраснев, понял, что не слышал ничего из того, что говорил мужчина в смокинге. Впрочем, не сложно было догадаться, что речь шла о политике.

– А вы что скажете по этому поводу? – произнёс интеллигент.

– Я...вы знаете, я не очень интересуюсь политикой. Пусть её решают те, кто правит. Я ведь, что так, что эдак, ничего не смогу с этим поделать. Я – водитель, думаю, что при любой власти у меня будет работа и будут платить.

– Что же, неплохая позиция.

Вернувшаяся девушка задела пальцам ладонь Матвея. Он выпрямил спину. Казалось, вот-вот девушка должна была что-то сказать.

– Извините! Это очень срочно, – сказал подбежавший мужчина. Он был единственным, кто не носил парадный наряд, но его вещи выглядели не дешевле. Вокруг ворота чёрной водолазки вился длинный фиолетовый шарф, доходивший до вельветовых зелёных брюк, – Ужасно срочно, мне нужен этот человек! – подбежавший взял повернувшегося гостя за локоть. – Если он не против, конечно. Совсем нена-

долго.

Матвей посмотрел на Валерия и Эстер. Мужчина, вздохнув и поджав губы, кивнул.

– Мы с радостью вас подождём.

Подбежавший уже не обращал внимания на пару стоящих людей, и всё внимание притянута к гостю.

– Знаете, мне было бы очень важно мнение такого человека, как вы. Дело в том, что я недавно написал одну очень неоднозначную картину и мне нужно знать то, что думают люди, глядя на неё. Меня зовут Никон Касьянов, – мужчина протянул руку.

– Матвей, – представился водитель и пожал небольшую скользкую ладонь, – я слышал о вас: нужно было довести одну женщину. Она говорила, вы гениальный художник, – мужчина в шарфе кивнул и исчез в дверном проёме затемнённой комнаты. Матвей вошёл вслед за артистом, через плечо оглянувшись на людей, ждущих его неподалёку – они шептались.

В комнате стояли изогнутые гранитные лавочки, с мягкими, матово-чёрными сидениями. Неоновый свет падал на людей; в помещение царил полумрак. Только несколько картин на каждой из стен светились ярко и чётко, несмотря на большое количество людей, обступивших их. Художник уже стоял у одного из творений, чуть дальше, чем остальные люди: так, чтобы Матвей мог его видеть. Водитель подошёл.

– Видишь это? – артист указал на полотно, висящее в пяти

метрах от них. На картине красовались пять мазков, иногда перекрывающих друг друга: салатный, голубой, оранжевый, красный и жёлтый.

– Вижу, – подтвердил мужчина.

– Как думаешь, что это означает?

Матвей почесал затылок, вглядываясь в творение.

– Извините, я, наверное, не очень разбираюсь в рисовании, но мне здесь ничего не видно, кроме мазков.

Художник немного отошёл, почти встав в безлюдный угол, и рукой позвал мужчину, до сих пор пытающегося что-то найти в полотне. Никон выглядел немного испуганным и взволнованным.

– Слушай...Матвей. Ты умеешь хранить секреты? Мне просто нужна совсем небольшая помощь.

– Да не вопрос, – обрадовался мужчина, тут же пристыдив себя за такое выражение в культурном обществе, – да, конечно. Всё, что угодно.

– Ты только никому не говори. Понимаешь, сейчас мода такая: рисовать какую-то ерунду, а потом продавать за большие деньги, убеждая всех в том, что в ней заключён огромный смысл. Мне нужно было получить деньги, а заказчику я пообещал что-то совершенно восхитительное. Я провалялся и пропил весь месяц, который мне был дан на работу, и вчера, в день встречи, я вспомнил и быстро сделал несколько мазков разными кистями...прошу, не вини меня, обычно я рисую что-то действительно стоящее, можешь посмотреть на

все остальные картины здесь – они прям дышат прекрасным. Но суть не в этом, вернее, не только в этом: ко мне подходит всё больше людей и спрашивают о её “глубоком” значении, а я понятия не имею где там что-то можно найти! – художник вытер со лба пот. – Я даже не знаю куда спрятаться. Я устал уже говорить всем о том, что пока я даю время подумать, но чуть позже открою все карты. Можешь предложить какой-то вариант? Обычно меня не спрашивают, а если и спрашивают, то говорю, что нужно им самим догадаться, иначе не будет нужного эффекта. Но чувствую, что сейчас точно нужно что-то сказать, все прям требуют от меня, а в этих каракулях абсолютно ничего нельзя разглядеть! Помоги мне, я в долгу точно не останусь, – человек в шарфе протянул небольшой свёрток с деньгами, увидев который, Матвей немного отстранился, непривыкший к такому способу получения денег.

– Что ты? Возьми, возьми, у меня ещё будет, – водитель нехотя взял купюры и положил к себе в карман, а затем снова посмотрел на картину. “Чёрт возьми, вот бедняга, – думал мужчина, – а ведь по-настоящему страдает.”

Такие яркие цвета напоминали водителю детство в Крыму и пейзажи, которыми ему посчастливилось насладиться. Поля мака и лаванды, морские закаты и рассветы —

Всё это отчётливо сохранилось в памяти мужчины.

– Можно сказать, что вы хотели показать детство – простое, ясное и пёстрое, – артист открыл рот от изумления, но тут же закрыл его и крепко, как только мог, пожал руку Мат-

вею.

– Да ты гений! Думаю, тебе точно стоит попробовать пробиться в искусство. Я могу помочь...

– Простите, но это, наверное, не моё. Зная, как много вы вкладываете, чтобы что-то получилось... это страшно для меня, понимаете? Я не буду успевать жить и уделять внимание жене. Нет, при всём уважении к вам и вашему занятию.

– Ничего страшного, это я так. Просто говорю, что у тебя бы получилось.

– А что значит та картина? – спросил мужчина, указывая на полотно, изображающее корабль, переваливающийся через большую тёмную волну.

– Я подумал, что здорово было бы нарисовать что-то такое, морское. Корабль и волны.

– А там что? – теперь палец показывал на картину с бабочкой, сидящей на бревне, за которым, вдали, виднелся горящий город.

– Как что? Бабочка, бревно, лес, пожар. Разве не эффектно? Ты посмотри какие контрасты!

– Извините, просто я думал, что художники заключают какие-то мысли в картины.

– А зачем их сюда? Здесь же и так всё видно – главное, чтобы было красиво. Это же не какая-то абстракция, или что-то в этом роде. Такие картины просто должны быть приятны глазу, наверное... – водитель заметил на лице артиста слёзы, скапливающиеся в глазах и почти переливающиеся

через край.

– Что-то случилось?

– Нет, ничего, просто наслаждаюсь красотой – через силу, человек в шарфе улыбнулся, но оба знали, что он о чём-то умалчивает. Матвей обвёл взглядом стены и увидел сидящего на подоконнике человека в чёрном, курящего сигарету. Он находился в тени, но так, чтобы его можно было легко заметить, он смотрел то на людей, то в окно. Художник поймал взгляд мужчины.

– Это Терентий, он философ. Величайшего ума человек!

– А почему вы не попросили его помочь с названием?

– Он, хоть и знает всё, совсем держать язык за зубами не умеет. А скажи он слово – мне конец! Все его слушают.

“Вот это да! – думал Матвей. – Настоящий философ! Ни разу не видел вживую ни одного за тридцать лет жизни”

– Никон, а ты можешь пожалуйста... – мужчина замешкался.

– Познакомить вас? Да, почему нет. Пойдём.

– Здравствуйте, – не отрывая взгляд от окна, произнесла задумчивая фигура в тени, когда двое подошли к ней на расстояние вытянутой руки.

– Привет, слушай, вы тут познакомьтесь с уважаемым гостем, а я пойду – нужно людям картины представить...можешь пожалуйста дать зажигалку? Я верну, обязательно верну. Представляешь, сигареты взял, а её, похоже, в другом

пальто оставил, – обратился к мужчине художник, аккуратно вытряхнув рукой остатки слёз.

– Конечно, это же просто вещь, – человек в тени легко достал пластиковый прибор и с важным видом дал артисту.

– Спасибо большое, – сказал тот, кивнув головой, и удалился.

– Здравствуйте, мне сказали, вы настоящий философ, я... – начал водитель.

– Да, я слышал о вас, все только и делают, что обсуждают вас и строят догадки о вашей жизни. Я же не вижу здесь чего-то особенного: мы – люди, вы – человек, одним больше, одним меньше. Разницы нет, – тучи на небе разбежались от прожигающего их света луны, и яркий диск убрал тень с мрачного лица мужчины, хмурящего брови.

“Вот это вид! Сразу понятно, что много думает, – восторгался Матвей, – надеюсь, я что-то пойму из разговора с ним. Пока есть возможность, надо спросить что-то важное.”

– Вам, наверное, не терпится спросить у меня о непомерно важном, но перед этим подумайте: правда ли вам нужен ответ, – опередил водителя человек, сидящий на подоконнике, и, выдохнув последнее облачко дыма, положил окурок в пепельницу, после чего продолжил, – наверное, первый вопрос был бы о смысле жизни? Что же, он для всех разный, но всё же, смысл жизни различных людей схож тем, что он заключается в получении счастья, или в совершении действий,

которые это счастье дадут. По мнению, конечно же, человека. Потом вы бы спросили меня о том, все ли заслуживают счастья. Я вам отвечаю. Да, все, как раз из-за отсутствия счастья люди и озлобляются. Может вас ещё интересует место человека в мире? – Матвей кивнул.

– Хотя мы и являемся наивысшим звеном эволюции, нужно ограничивать влияние на природу, ведь мы живём лишь благодаря ней. Нужно садить деревья и стремиться не к количеству городов, обработанных земель и дорог, а к их качеству, – человек говорил монотонно, как будто в сотый раз проговаривая то, что только что сказал. Он вздохнул, как после исполненной цели.

– А зачем нужна философия? – спросил водитель. Терентий задумался.

– Чтобы отвечать на важнейшие вопросы.

– А если они уже даны или нет возможности ответить?

– Извините, я утомился беседой. Вы, если вам надо, уверен, сможете сами ответить на свои вопросы. Прошу меня простить – после молчания длиною в несколько минут сказал мыслитель и, сделав задумчивое лицо, снова повернулся к окну, перед этим посмотрев на людей, толпящихся у картин.

Матвей отошёл от своего собеседника и пошёл к выходу из комнаты.

“ Как здорово, что я даже немного, но поговорил с таким человеком!” – мужчина ещё раз подумал о разговоре и его

охватило неприятное чувство, как после того, как купил что-то на рынке, а оказалось, что можно было купить то же самое в магазине, и было бы дешевле и качественнее.

Водитель шёл по галерее с множеством голосов, жужжащих вокруг картин знакомого художника, но самого творца не было:

– Он хотел показать борьбу человечества и природы! Ты ничего не понимаешь! Корабль олицетворяет людей, а волны – стихии.

– Нет, это ты ничего не понимаешь! На самом деле Касьянов хотел здесь показать борьбу старого с новым. Старое – волны, а новое – корабль.

Матвей улыбнулся и прошёл чуть дальше, где громко говорили ещё двое человек.

– Эта бабочка выглядит крайне спокойно, несмотря на то, что горит город. Город специально показан вдалеке, потому что автор так говорит нам о том, что мы всего лишь временные гости в этом мире и что природа всё переживёт.

– Да, я с вами полностью согласен. Но может быть это автопортрет? Я слышал, что деятелям искусства нужно быть над всем человеческим, и природным, чтобы видеть всё со стороны. Может он в бабочке заключил себя?

– А вы очень умны для своего возраста. Ваша гипотеза вполне может быть верной.

– Вы видели ту, с пятью мазками?

– Да, это просто шедевр: так много смысла и так всё ком-

пактно!

– Об этом и хотел вам сказать! Как же далеко шагнуло современное искусство!

– Это точно, и в наше время есть творцы. Пойдёмте к следующей картине? Я видел, что там нарисована черепаха в аквариуме, смотрящая в космос.

– Как здорово, этот Касьянов точно гений! Он так точно передал стремление Земного к Великому. А аквариум – зона комфорта, которую так сложно покинуть.

– Я даже не думал, что это можно изобразить так, как много гениальности. Хочу как можно быстрее посмотреть на то полотно поближе, нам нужно непременно подойти.

– Что же, пойдёмте.

Девушка в красном, всё это время держащаяся в толпе, вышла из-за спины двух говорящих людей и последовала за Матвеем, который скрылся, выйдя в помещение, наполненное светом.

ГЛАВА 3

Вынырнув из полумрака галереи, мужчина прищурился и приослеп от яркого света, льющегося отовсюду. Когда зрение окончательно к нему вернулось, Матвей заметил, что Эстер и Валерия не было, хотя, как казалось, они были настроены ждать.

Гость услышал смех слева от себя и, казалось, этот смех принадлежал больше карикатурному противному персонажу из мультика, нежели человеку. Матвей обернулся и увидел двух юношей, стоящих у стола с закусками. На них красовались дорогие импортные костюмы, выделяющиеся среди всех остальных необычным цветом: тот, что принадлежал человеку слева, был жёлтым, больше напоминающим тёмно-золотистый, другой же – зелёным, цвета болота. Водитель медленно, издав кивнув, подошёл к людям.

– Здравствуйте, извините вы не знаете где Валерий и Эстер?

– А что такое? Она, наверное, тебе приглянулась и убежала? – человек в золотистом усмехнулся.

– Нет, он, наверное, даже побоялся к ней подойти, а имя где-то услышал, – подхватил второй.

– Ничего, она та ещё бабочка, если ты понимаешь о чём я. Не удержится от того, чтобы не отведать новой пыльцы. Поверь, она ещё обязательно даст о себе знать.

– Ага, а потом прибежит её братец, начитавшийся сказок о чести, которых даже не понял, и начнёт говорить, что ты виноват во всём, а она просто невинное дитя и жертва порывов юности.

– Но не будем о грустном, как тебе вино? Ты такое в жизни не попробуешь. На, держи, – парень в жёлтом костюме протянул бокал с напитком, дразнившим аромат гостя ещё со времени его прихода.

– Спасибо, – поблагодарил Матвей и взял бокал, после чего сделал шаг назад и почти развернулся, – простите, мне пора.

– Стой, куда же ты? – посерьёзnel человек в зелёном, – мы знаем где они, – мужчина повернулся обратно.

– В последний раз, когда я их видел, они шли на второй этаж, в столовую, скорее всего. Жалко тебя, конечно. Живёшь, среди обычного русского мужика, думаешь, как обычный русский мужик. В России такие пирушки, как эта – одни из немногих вещей, которые не через одно место получают, но ты, обычно, высший свет не посещаешь, да и в Европе не побываешь, чтобы сравнить и увидеть то, как всё должно быть. Запоминай, пока можешь, и веселись.

Матвей кивнул головой и, нахмурившись, направился к большой мраморной лестнице, уходящей на второй этаж. Её поручни были идеально гладкими и чистыми, а ходить по широким ступеням, накрытым красным ковром, было одно удовольствие. Завораживающая мелодия пианино слыша-

лась всё громче, наполняя сердце мужчины желанием прикоснуться к витающим в воздухе звукам. Гость посмотрел на предложенный ему бокал, который он до сих пор держал в руке. Вино внутри сделалось каким-то неприятным на вид и запах, и мужчина аккуратно поставил его на поручень, так и не притронувшись губами. Парни в разноцветных костюмах, стоящие внизу, болтали и смеялись, со снисхождением смотря на проходящих мимо людей. Они так и не выходили из головы, продолжая звенеть и там.

“Какие-то русские иностранцы, ничего в них нет родного. Сироты душевные, – думал мужчина, – пусть и ездят отсюда, раз им так не нравится. Нечего другим втирать всякое...”

Хоть Матвей и недолюбливал действующую власть, он защищал и любил душевную организацию людей, живущих с ним под одним небом; настолько любил, что и дурные вещи казались родными и неотъемлемыми. Самим небом, к слову, он был очарован ещё с детства: от всех этих необъятных просторов, переливающихся чудесными цветами, всегда веяло чем-то красивым и простым, но, в то же время, неподвластным человеку.

Перед мужчиной возникла огромнейшая комната с длинным овальным столом, полностью заставленным едой и напитками. Сверху нависал громоздкий золочёный канделябр, с настоящими свечами. Матвей вдруг понял, что хочет есть, и, после долгих минут борьбы со стеснением, попросив прощения, взял со стола бутерброд с икрой.

– Здравствуйте, Матвей. Меня зовут Регина Фиск, я крёстная мать Господина Вендиторского и родная мать двух оболтусов, которых вы могли встретить внизу. Вы уж простите, если они вас чем-то обидели, они, можно сказать, не местные: с детства за границей учились, а сюда только на праздники приезжали, и то не всегда, ох. Простите меня, старую женщину, все мысли о том, как бы они поладили с кем-то кроме друг друга. Их ведь ни там не принимают, ни здесь. Ох, простите ещё раз, вам, должно быть, не интересно обо всём этом слушать.

– Да нет, мне не сложно, для меня здесь всё ново и интересно.

– Это хорошо, вам очень повезло, потому что я с детства росла в такой обстановке, как эта, и знаю абсолютно все порядки. Если вам что-то будет нужно, только спросите.

– Спасибо большое, конечно, я обращусь, если что. Спасибо.

– Будьте очень внимательны, смотрите, чтобы вас не вpleли в какую-нибудь интригу, тут все, как акулы, слетаются на вкус крови. Хочу с вами поделиться кое-чем, по секрету: чтобы выжить в подобных местах, вам нельзя никому доверять, это во-первых. А во-вторых, нужно научиться идеально лгать, понимаете? Чем чаще и убедительнее вы здесь лжётё, тем больше вас уважают и боятся обманывать. Уметь лгать и не поддаваться обману – необходимые качества в нашем мире, без которых успех в любой отрасли невозможен, запом-

ните, – Матвей кивнул.

– Ах, вот вы где! Регина, позвольте, я украду гостя, он, наверное, утомился от бесконечных разговоров, я обязательно вам его верну, но чуть позже, – Эстер, появившаяся внезапно, взяла мужчину под локоть, и потянула за собой, удаляясь от возмущающейся женщины.

– Я вас искала, где вы были? – спросила девушка, глядя на Матвея своими большими глазами, и лёд в них таял.

– Я познакомился с некоторыми людьми.

– И всё? Я думала у вас целое приключение случилось.

– Случилось, но это больше личное. Простите.

– Ладно, я поняла, – Эстер опустила взгляд, а затем снова подняла его, с блеском внутри, – давайте перейдём на “ты”.

– Давайте. Ой, давай. Простите. Ой, – Матвей покраснел, – давайте, пожалуйста, продолжим на “вы”.

– Ничего, такое бывает с непривычки. Мы можем общаться так, как тебе будет удобнее – девушка улыбнулась, – расскажите, что вы любите? – двое медленно вошли в общий просторный зал, где за инструментом сидел волшебник, наполняющий воздух магией, не принимаемой большинством присутствующих. Несмотря на шум разговоров и движений вокруг, всё существо пианиста было направлено на извлечение звуков, сливающихся в нечто невероятное, кружащее по всему дому, в то время как для остальных музыка была лишь фоном.

– Люблю ездить по ночному городу, снег, когда он не по-

падает в глаза или на еду, а ещё чай, – Матвей замялся, чувствуя, что надо упомянуть жену и то, как он её любит, – Зелёный чай, – закончил он.

“Я ведь не собираюсь с ней ничего заводить, а про Катю ей знать необязательно. Это её не касается.” – оправдал себя мужчина, но внутри скреблись не кошки, а чербер, пробивающийся наружу, сквозь железную стену, стоящую перед совестью.

– А вы что любите?

– Музыка, цветы, особенно розы, сладкое и...мужчин, – закончила Эстер полусёпотом, – скоро начнётся танец, пожалуйста, будьте моим партнёром.

– Я плохо танцую, я, наверное, не лучший партнёр для вас.

– Ничего, просто двигайтесь вместе со мной, мы можем пойти куда-нибудь в самый уголок, чтобы никто не видел.

– Извините, я не танцую...

– Если не станцуете, это будет оскорблением владельцу дома.

– Но я же могу извиниться, тем более что он уже нашёл телефон и, скорее всего, меня ищет.

– Не все обиды можно искупить извинениями, но я его не видела, ну же, станцуйте, один танец, я больше не прошу, – девушка улыбнулась и началась медленная, громкая музыка. Гость вздохнул, из последних сил усмиряя совесть, и последовал за Эстер в дальний конец зала.

– Положи руки мне на талию, не бойся, она не колючая. Да, вот так, – девушка обняла плечи мужчины, и они начали медленно кружиться. Музыка нарастала, и, хоть двое кружились на самом краю зала, все взгляды были прикованы к ним. Эстер прижалась ближе к Матвею, так, что своими модельными, слегка пухлыми красными губами почти касалась его уха.

– У меня к вам есть одна маленькая просьба, – прошептала она. У мужчины пробежали мурашки, и он слегка отстранился.

– Я слушаю.

– Не сейчас, чуть попозже, – девушка легла на плечо Матвея.

Музыка, после своего пика, раздавалась всё тише и тише, Эстер вырвалась из рук Матвея, не далеко, и медленно начала крениться в бок, собираясь упасть. Мужчина тут же подскочил к ней и поймал.

– Поцелуйте меня, – открыв глаза, нежно произнесла девушка. Музыка вновь достигла пика, и была ещё громче, чем в прошлый раз. А люди становились тише и внимательней.

– Нет, – ответил мужчина, – я люблю свою жену, она меня ждёт. Мне нужно срочно идти, – Матвей разжал руки и, выбежав, оставив Эстер на полу в полулежачем, рыдающем состоянии. Вокруг неё тут же собрались люди.

Матвей сбежал вниз по лестнице, проскользнув рукой по перилам и задев поставленный ранее стакан с вином. Раздал-

ся звон бьющегося хрусталя, и гость на секунду остановился, обернувшись.

“Нет, – подумал он, – нет времени и сил”. Мужчина побежал дальше, к гардеробу, минуя десятки непонимающих взглядов и гогот двоих людей в пёстрых одеждах. В гардеробе, на лавочке, лежала его куртка, а чуть дальше стоял рюкзак, рядом с лакеем, рассматривающим платье, вытащенное из него.

– Хорошее, – сказал он и понёс к себе в помещение.

– Стой, паршивый старикан! – крикнул Матвей, в первый раз за вечер узнав свой настоящий голос и вырвав заветную ткань из рук пожилого вора. Мужчина занёс свой большой и тяжёлый кулак над его головой, старик зажмурился, а открыв глаза обнаружил, что рядом нет ни рюкзака, ни куртки, ни гостя, а сверху раздавался крик брата Эстер.

ГЛАВА 4

Мужчина распахнул двери, и просыпающееся солнце сразу же налилось в его глаза, и свежий воздух наполнил лёгкие. Двое охранников, как большие коты, спали, свернувшись клубочком. Матвей сел на лестницу, чтобы перевести дыхание и закрыл лицо руками.

“Что мне теперь делать?” – думал он, сжимая свои грубые, чёрные волосы. Мужчина убрал руки от лица и посмотрел перед собой. Бесконечно красивый рассвет гладил его по голове, Матвей глубоко вдохнул, – “Нет, не могут такие вещи быть заперты в фотоаппарате, книге или на холсте. Это что-то такое, чему тесно в искусстве, и тем оно и прельщает, что свободно. А мы хотим эту свободу укротить. Только ты сейчас меня понимаешь, небо!”

Дверь снова скрипнула, и мужчина почувствовал, как кто-то сел рядом, на ту же ступеньку.

– Здравствуйте, должен вам сказать, что вы оскорбили своими действиями Эстер, она плачет.

– Простите, я не хотел, понимаете, у меня жена...

– Ничего, я вас не корю, я просто донёс до вас, чтобы вы были в курсе. Но не волнуйтесь, огорчение и обида ничего не стоят, если их основная цель заключается в том, чтобы вызвать сострадание со стороны окружающих.

Мужчина повернулся и увидел перед собой того само-

го музыканта, который наполнял музыкой весь вечер. Двое смотрели на восходящее солнце и молчали, слушая лишь трели просыпающихся птиц и мирное посапывание охранников. Матвей увидел проступающую сквозь снег траву и сжал её, обнимая ладонью. Но пальцы встретили пластиковые, неестественные волокна, водитель одёрнул руку. Музыкант усмехнулся.

– Я тоже так в первый раз попался. Искусственная, иронично, правда?

– А вы не похожи на обитателей дома, – мужчина улыбнулся, смотря на солнце, через секунду ответив:

– Я задолжал за квартиру и пришлось продать моё старое пианино, чтобы расплатиться. Потом я пошёл играть в торговый центр, потому что не хотел терять мастерства. Там как раз шёл Господин Вендиторский, и он пригласил меня поиграть на нескольких вечерах, за очень хорошую плату. Сейчас уже последний раз, когда я выступаю здесь. Сегодня мне дадут деньги, указанные в нашем контракте, и я смогу купить себе хорошее пианино, ещё и остаться должно на пару месяцев аренды.

Дверь балкона сверху распахнулась, слышался шум голосов, и заплаканная Эстер с потёкшей тушью наполовину свесилась с него.

– Прошу вернитесь! Я люблю вас, Матвей! – девушка всхлипнула. – Я не смогу без вас!

Пианист повернулся к водителю:

– Когда я закончил играть одну композицию, я слышал, как она прибежала к подругам, кажется, когда вы уже были несколько минут здесь, и спорила с ними на то, что вы захотите поцеловать её.

– Какая разница? – шепнул Матвей. – У меня же жена дома.

– Если вы не вернётесь, я сброшусь! – крикнула Эстер, под оханья людей, стоящих за ней.

Мужчина посмотрел на музыканта.

– Ничего не ставлю, но мне кажется, она не прыгнет. Слишком любит себя, а какие же представления, без главного актёра? – Матвей подумал и кивнул.

– Ты не слышишь? Я прям сброшусь! – водитель молчал.

– Хотите? – пианист достал бутылку хорошо знакомого мужчине шампанского, которое он любил брать по праздникам.

– Чертовски! – чуть не рассмеявшись от неожиданности сказал водитель.

Музыкант приставил бутылку к себе, и, с помощью всего одного усилия, откупорил ёмкость. Пробка вылетела, и пена празднично потекла из горлышка.

Внутри дома раздался треск и визги, вперемешку с топотом множества ног.

– Галерея горит! Кто-то поджёг все картины! – то и дело раздавалось из разных углов.

– Можете пожалуйста дать позвонить? – быстро, пока все

не выбежали на улицу, спросил Матвей.

– Конечно, держите, – пианист сразу же вытащил и дал телефон.

Пошли гудки, двое человек успели сделать пару глотков шампанского, перед тем, как ответил грубый мужской голос, которому Матвей очень обрадовался. Когда эвакуатор был заказан, мужчины встали.

– Спасибо большое за всё, до свидания, – попрощался водитель.

– До встречи – сказал музыкант и закрепил слова рукопожатием.

ГЛАВА 5

По приезде эвакуатора, оказалось, что поломка машины может быть исправлена прямо на месте, с помощью инструментов и деталей бригады, а обойдётся это дешевле, чем ремонт и эвакуация. Речь и повадки рабочих наполняли дыхание Матвея радостью.

– Михалыч, у тебя штука эта есть?

– Какая?

– Ну такая, которая зонт.

– Лямбда-зонт что ли?

– Да, он. Тут просто кусок сломался у него.

– Держи, – один рабочий кинул другому деталь, – а ключ нужен? А то как ты его этовать будешь?

– Нужен, кидай, только аккуратно, чтоб мне по морде не прилетело, – двое рассмеялись, водитель тоже улыбнулся.

Через час мужчина уже подъехал к дому и припарковался. Матвей вытащил ключ из машины и посмотрел в зеркало заднего вида. Два пластыря на лбу напоминал о ночном происшествии. Мужчина, поморщившись, отодрал его и выбросил в урну, стоящую рядом с машиной.

Из-за двери в комнату доносился манящий аромат уюта и семейной жизни. Матвею ещё раз стало тошно.

“И как я мог с самого начала колебаться?” – мужчина чуть не заплакал, но сдержал слёзы и открыл дверь.

На подоконнике, прижавшись к окну, сидела его жена, с каштановыми лохматыми волосами и подтёкшей тушью.

– Милый, – ахунла она и поставила кружку, спустившись сама, – Я так волновалась? Где ты был?

– Машина заглохла, телефон разрядился и...

– Что случилось? – спросила девушка, подойдя очень близко, заметив рану и следы веток на лице мужа. Янтарём своих глаз она обнимала его так крепко, как только может. Матвей чувствовал это и то, как она смотрела, он смотрел так же, и в их взглядах были миллионы искренних признаний.

– Я заплутал, дорогая, – сказал он, собираясь вытащить из-за спины платье, которое вёз с особым трепетом на годовщину их свадьбы, но девушка прыгнула, прижавшись к мужу всем телом, обнимая его за шею и трогая руками спину и волосы, чтобы убедиться, что всё по-настоящему. Он тоже её крепко обнял, и боль на сердце сменилась счастьем, его губы сами произнесли:

– Я очень тебя люблю.

– И я тебя, – отвечала жена, прижимаясь ещё крепче.

А где-то в России пахло хвоей и зимой.